

УДК 330

Н.А. Скрыльникова, Э.Т. Ушакова**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ**

На основе критики неолиберальной модели в статье предлагаются методологические подходы к разработке экономической стратегии современной России.

Ключевые слова: неолиберальная модель, антропоцентричность, синергия государства и рынка.

Несмотря на многочисленные сложносоставленные доктрины, концепции, программы, российское социально-экономическое проектирование прошедшего двадцатилетия характеризуется отсутствием четкого целеполагания, критериев целедостижения и дорожных карт. На основе такого «экономического курса» неизбежно возникает, вопреки заверениям, нестабильная система с положительной обратной связью, усиливающей дестабилизацию. «Нестратегичность» экономической политики в современной России нуждается в объяснении.

Кризис показал неэффективность стандартных экономическо-управленческих и финансовых решений. В этих условиях вопросы воздействия реальности на экономическую науку и экономическую политику и обратного воздействия науки на реальность приобретают особую остроту. Очевидный разрыв между теорией и практическими приложениями по-новому ставит вопросы об обязанности и способности экономической науки отвечать на возникающие вызовы. Широко распространены представления о том, что кризис в науке в определенной степени ответственен за кризис в экономике. Считается, что притязания на то, что экономистам под силу предсказывать будущее, отличает экономику от других общественных наук. Также считается, что именно эти притязания лежат в основе постоянных кризисов экономической теории: абстрактный характер экономико-теоретических построений плохо переводится на язык конкретных рекомендаций, нормативных указаний «по улучшению». Нельзя не признать, что в состоянии кризиса экономическая наука находилась не раз. Но нельзя и не напомнить – кризисам подвержены все науки, пересматривающие свою аксиоматику. Что касается абстрактности экономической науки, то сегодня это сильное преувеличение: значительная часть исследований носит прикладной характер, например, очевидны успехи в рамках поведенческой экономики. Тем не менее экономический кризис заставил обратить внимание на адекватность и объяснительную силу доминирующих теорий.

Современная экономическая наука развивается в рамках трех основных теоретических парадигм, задающих методологию исследования экономических процессов: неоклассического синтеза, институциональной экономики и эволюционной экономики. При всех различиях они являются научными парадигмами механико-материалистического толка. Их принципиальная несо-

стоятельность заключается, во-первых, в том, что они не антропоцентричны. На протяжении двух последних десятилетий в мировой практике постановки стратегических целей человеческое развитие, создание условий для достойной человеческой жизни понимаются как образующее смысл, цель и критерии общественного прогресса. Во-вторых, названные парадигмы в условиях неопределенности имеют ограниченную пользу для разработчиков экономической политики, так как не анализируют возможности глобальных экономических и финансовых кризисов.

Переход от «механико-материалистического видения мира» к «человекоцентричному», т.е. концентрирующемуся на положении человека, требует изменения процесса мышления и методов исследования. Методология экономической науки, как всякая методология, определяющая актуальные направления исследований, адекватные им исследовательские методы, способы верификации теоретических построений, фиксирует расширение проблемного поля. Экономические теории и модели как императив содержат социальную составляющую, что требует развития междисциплинарного и мультидисциплинарного подходов, что, в свою очередь, ведет к приращению и синтезу знаний в различных формах, большей плюралистичности экономической теории.

Упрощенные допущения, на которых во многом построена современная макроэкономика, не позволяют удовлетворительно объяснять текущие социально-экономические явления и, главное, делать прогнозы, основанные не на усредненных прошлых наблюдениях. Разумеется, отдельно взятая экономическая модель упрощена по определению, а адекватное описание экономики может дать только «дерево моделей». Но разработка множества частных моделей неизбежно оборачивается «парадоксом тоннельности»: ученые изучают интересующие их проблемы и, подобно кротам, имеют мало представления о том, что делают коллеги, т.е. огромные массивы информации не осваиваются, что означает дублирование исследований или получение рутинных результатов, не представляющих серьезного научного и тем более практического интереса. Ревизия исследовательских методов заставляет признать, что при всем значении математических методов и моделей развитие экономической теории в будущем не может быть связано только с ними, как это по-прежнему представляется многим теоретикам. Экономическая теория изучает сложные эволюционирующие системы, поэтому и развитие, и применение экономической теории должны быть чувствительными к «обстоятельствам места и времени», т.е. к историческому, культурному, институциональному контекстам. Но эти контексты никогда не могут быть «уловлены» как реальные ограничения в математических моделях. Кстати, современные экономико-математические модели плохо пригодны для прогнозирования поворотных моментов цикла деловой активности именно потому, что в условиях неопределенности экономическое поведение хозяйствующих субъектов становится эмоциональным (в лучших случаях основывается на частных эвристических приемах), что невозможно отразить в моделях. При этом также надо иметь в виду, что чем строже математический аппарат и выше скорость про-

текания социально-экономических процессов, тем уже область применения модели.

Пришедшая из естественных наук идея самоорганизации формирует новое представление об экономике как системе, в отношении которой справедливы принципы анализа любых сложных систем. Системообразующим является принцип дополнительности. Он был открыт великим датчанином Н. Бором. Суть его заключается в том, что «противоположности не исключают, а дополняют друг друга». В экономических исследованиях этот универсальный принцип должен реализовываться при рассмотрении:

- государственной и рыночной регуляции;
- экономической и социальной составляющих экономических процессов.

Принцип дополнительности реализуется как в отношении каждой из названных противоположностей, так и в их соотношении между собой. Каждая из сторон развивается по своим собственным законам, но в неразрывной связи со своей противоположностью. Поэтому разрыв связи неизбежно ведет к разрушению системы. Система перестает быть органически целостной. Кроме того, следует понимать, что рыночно-государственная регуляция социально-экономического развития сложно институционализирована, основана на взаимодействии реального и финансового секторов экономики, сочетании инновационных и консервативных хозяйственных практик, развивается в индустриальном и постиндустриальном трендах, имеет национальное и глобальное измерения.

Способность к разработке стратегий как основы экономической политики предполагает глубокое понимание взаимодействия рыночных и государственных механизмов регуляции. Как известно, традиционное изучение взаимодействия государства и рынка основано на их противопоставлении, делая главным вопросом количественную характеристику соотношения государственного и рыночного секторов (доля государственной собственности в производственных активах, доля ВВП, распределяемого через госбюджет, и пр.). Нетрадиционный подход, который подрывает основание доминирующей нелиберальной модели, предполагает нелинейный характер развития и учет синергии взаимодействия рынка и государства. Действительно, взаимодействие рынка и государства ведет к изменениям, касающимся этих двух противоположностей [1. С. 72–75]. Если государство выступает на рынке в качестве предпринимателя, то и мотивация государства как предпринимателя – рыночная, это стимулы к получению прибыли. Но если государство выступает в роли третейского судьи и таким образом воздействует на экономические процессы, то это характеризует уже его хозяйственную, а не рыночную деятельность. С другой стороны, собственно рыночные отношения меняют свое содержание. Так, в них все заметнее проявляются элементы планирования, например в формах маркетинга, прогнозирующего и формирующего потребности человека, или «инклюзии потребителя», означающей участие потребителя в процессе создания инноваций; громадная масса товаров и услуг, находящихся во внутрифирменном обороте корпораций, уходит от прямого воздействия рынка; производство общественных благ плохо поддается рыночному регулированию. Эти реформации существенно изменяют и расширяют

функции государства. Главные из них – обеспечение национального единства, социальной сплоченности общества, солидарности и сотрудничества, согласованного взаимодействия государственного и частного секторов, функционирования экономики как единого целого.

Таким образом, новая парадигма взаимодействия государства и рынка исходит из понимания того, что государство воздействует на рынок и одновременно рынок активно влияет на государственные структуры, что является новым источником саморазвития системы. Поэтому вопрос о соотношении рыночной и государственной регуляции переходит в плоскость синергии рынка и государства, реализующейся, в частности, через механизмы государственно-частного партнерства, задающие импульсы для многочисленных мультипликативных эффектов. Для обеспечения высоких результатов частно-государственного партнерства необходимы стратегические ориентиры, соответствующие индикативные программы на основе тщательного учета ресурсных ограничений и рыночных перспектив, требуется надежная обратная связь, т.е. глубокая вовлеченность в разработку прогнозов многих экономических акторов, владеющих соответствующими знаниями и реализующих разнообразные хозяйственные практики.

Как известно, неолиберальная идеология утверждает идею минимального с точки зрения вмешательства в рыночные процессы государства. Обстоятельная критика неолиберальной идеологии и политики [2] показывает, что ей свойственно осуществлять подмены цели и средств, стремление избегать точных целевых установок, поскольку она служит в первую очередь группам особых интересов. В российском варианте пресловутые удвоения ВВП или модернизация как цель социально-экономических преобразований (модернизация ради модернизации) вполне демонстрируют выхолащивание смысла этих преобразований, а сращивание нефтегазовой элиты с властью в целях обогащения и формирование институтов кадрового резерва как обслуживающего и защищающего сообщества все-таки не может быть признано в качестве национальной целевой установки.

Как хорошо известно, качество государственного управления оценивается сегодня через систему индикаторов, отражающих степень участия граждан в политической жизни, свободу их самовыражения, «верховенство закона», свободу средств массовой информации, «результативность правительства», подразумевающую автономность чиновников от политиков, доверие общества к власти, «качество регулирования и развитие частного сектора», «контроль коррупции». Все эти индикаторы существенно улучшаются по мере «электронизации» правительства, позволяющей увеличить прозрачность действий управленцев, снижать размеры административной ренты и транзакционные издержки. Но главный социально-экономический эффект заключается в увеличении степеней свободы граждан.

Национальное целеполагание и соответственно определение критериев целедостижения требуют последовательного отказа от экономического детерминизма. С теоретических позиций невозможно разделить экономическое и социальное, равно как и выявить приоритет того или другого, убедительно доказана. Суть экономического начала – соизмерение затрат и резуль-

татов, обмен эквивалентов, конкуренция. Социальное начало – сотрудничество, умение коммуницировать, коллективная креативность и единение членов общества, то, что формирует социальный капитал. Социально ответственное государство должно проводить политику, устанавливающую баланс частных и общественных интересов, обеспечивающую социальную защищенность, смягчающую социальные конфликты.

Неолиберальная парадигма не только не в состоянии учесть синергетический эффект взаимодействия социального и экономического, но, по существу, резко их обособляет. Действительно, по экономическим критериям результирующая деятельности социальной сферы воспринимается как совокупность предоставляемых населению услуг. Для оценки и последующего финансирования социальной сферы требуются количественные показатели результатов работы, измеряемые на основе нормативов и стандартов. Последовательный «экономизм» в отношении социальной сферы неизбежно приводит к снижению доли бесплатного сектора и (или) снижению качества предоставляемых услуг. Такая экономическая интерпретация означает игнорирование того, что уровень развития социальной сферы формирует качество человеческого капитала, определяет креативность, социальные ценности, нравственное здоровье, т.е. социальный код человека, поэтому инвестиции в социальную сферу – это инвестиции в сохранение социального кода, обеспечивающего межпоколенческую преемственность.

Опыт многих стран показывает, что стремление управленческой элиты к дальнейшей консервации власти устойчиво коррелирует с люмпенизацией населения посредством «выдавливания» интеллектуальной элиты и активных представителей малого и среднего бизнеса. Опора на патерналистски ориентированные слои населения, игнорирование проблем контроля дифференциации доходов в России приводят к тому, что «работающие бедные», «хронические бедные» и «образованные бедные» становятся неотъемлемыми характеристиками социальной стратификации. В случае «хронических бедных» это означает увеличение числа получателей трансферов (плюс ухудшение генофонда, как следствие, концентрация бедности в семьях с детьми), а в случае «образованных бедных» – невозможность удовлетворить ожидания людей с высшим образованием (отсутствие высококвалифицированных рабочих мест или наличие рабочих мест, не требующих такого уровня образования, неработающие социальные лифты). Но в любой ситуации это означает ухудшение качества человеческого потенциала, закрепление неинновационности, неконкурентоспособности, усиление социальной конфликтности.

Очевидно, что такая «расколотость» общества препятствует согласованию интересов различных социальных групп и может только усилиться в результате сокращения бюджетных расходов по основным позициям, характеризующим положение граждан. Так, Проект федерального бюджета на 2012–2014 гг., согласно расчетам Центра развития НИУ «Высшая школа экономики», предусматривает рост расходов бюджета на «силовой блок» (оборона, национальная безопасность и правоохранительная деятельность) с 25,1% в 2011 г. до 34,4% в 2014 г. Расходы по блоку «социальная политика» (расходы на социальную политику, включая трансферы внебюджетным фондам) в 2014 г. составят 28,5%

(28,6% в 2011 г.), а расходы по блоку «человеческий капитал» (расходы на образование, здравоохранение, физкультуру и спорт, культуру, кинематографию и СМИ) снизятся с 11% в 2011 г. до 7,5% в 2014 г. Расходы по блоку «поддержка экономики» (расходы на национальную экономику, жилищно-коммунальное хозяйство, охрану окружающей среды, дотации регионам) также сократятся за указанный период с 24,3 до 15,3 % [3. С. 10–11].

Сегодня очевидно, что постиндустриальные тенденции даже в самых развитых странах мира были сильно переоценены. Действительная «постиндустриальность» базируется на мощном индустриальном фундаменте, требующем обновления во всех развитых мировых экономиках. Терминологически это обозначается как «новая индустриализация». Поиск гармоничного соотношения государственно-рыночных регуляторов, социального и собственно экономического в хозяйственных процессах требует учета инновационной нелинейности [4. С. 52–55]. Инновационность – способ межвременного согласования активов хозяйствующих субъектов, поэтому разная потребность в инновациях объясняется спецификой отраслей и сфер экономики, различиями в скорости протекания производственно-хозяйственных процессов. Кроме того, следует помнить, что любая значимая инновация – саморазвивающаяся, т.е. предполагает инновационный продуктово-технологический шлейф, когда социально-экономические эффекты реализованной инновации выступают ресурсным основанием для последующих.

Давно известно, но мало осознано, что экономика становится восприимчива к инновациям на системной основе в случае существенного ограничения традиционных ресурсов и (или) в условиях жесткой конкуренции на микроуровне. Именно эти причины побуждают к переходу на альтернативные источники энергии, применению ресурсосберегающих технологий, производству новых товаров с более высокой добавленной стоимостью, поиску нестандартных конкурентных стратегий. В России эти побудительные причины отсутствуют. Нельзя не видеть, что инновационные требования к общественно-экономическому развитию России лимитированы сложившейся структурой экономики, высокой степенью ее монополизации, хаотичностью социально-экономических изменений как следствия отсутствия национальной экономической стратегии (деиндустриализация экономики отрицает долгосрочные проекты по существу), отсутствием социальных лифтов как вознаграждения за инновационное поведение и разрушительными тенденциями в национальном образовании. Инновационность экономики означает, что подавляющая масса инноваций создается для блага человека и общества. В России утрата смыслов проявляется в «непервичности» потребительского контекста инноваций: знания и инновации ради самих знаний и инноваций.

Мировой опыт показывает, что становление прорывного инновационного бизнеса возможно только с помощью государства на основе планирования и политической воли через крупные высокотехнологичные компании, к которым затем присоединяется малый инновационный бизнес. Известно, что европейские страны переходят к инновационной политике третьего поколения [5. С. 19–20]. Это значит, что инновационная политика концентрируется на целях обеспечения устойчивого развития или формирования информацион-

ного общества. Такая концентрация требует сложной координации научно-технической, инновационной, промышленной, денежно-кредитной, антимонопольной, внешнеэкономической, образовательной и других политик. Российское инновационное регулирование, строящееся на субъективных определениях научно-технологических приоритетов, центров превосходства (centers of excellence), случайных инновационных предложениях и хаотичной инновационной институционализации, не может придать российской экономике органичную инновационность, предполагающую многочисленные и разнообразные институты, способствующие генерации и диффузии новых знаний и идей. Представляется, что формирование технологических платформ, как одного из инструментов частно-государственного партнерства, означает, что российская инновационная политика стремится к системности.

Подробный анализ разработанных в последние годы программных документов, претендовавших на роль социально-экономических стратегий, показывает их несоответствие выделенным синергетическим основаниям. В полной мере это относится к представленной на обсуждение промежуточной версии «Стратегии-2020».

«Стратегия-2020» по своему смыслу определяет вектор социально-экономического развития страны. Но логика «Стратегии-2020» оказывается предельно простой: на основе бюджетного маневра обеспечить высокие темпы роста.

Скептицизм профессионалов по отношению к «разработанной-переписанной» «Стратегии-2020» связан в первую очередь с тем, что все рекомендации осуществлены в соответствии с доказавшими свою несостоятельность в российском контексте неолиберальными подходами, объект-субъектной неопределенностью предлагаемых сценариев, игнорированием глобальных изменений и угроз новой волны мирового финансового и экономического кризиса.

Публичность работы экспертных групп позволяет признать, что корректировка стратегии принесла так называемый «эффект Колумба»: был получен ряд аналитических результатов, дающих неангажированное представление о состоянии российской экономики. Но эта же публичность обнаруживает доказательства кризиса экспертности: произвольный с точки зрения макроэкономической политики набор экспертных групп, неструктурированные цели и задачи между экспертными группами, «наивная» постановка/формулировка целей в значимом количестве групп, экстраполяция в качестве основы исследовательского инструментария.

Концептуально разработка экономических стратегий любого уровня должна строиться на основе понимания закономерностей современного экономического развития: синергии социального и экономического (нацеленность на повышение стандартов жизни подавляющего большинства россиян) на основе государственно-рыночной регуляции. Эта концептуальность должна быть задана изначально. Технологически решение задачи объединения разработок по отдельным направлениям экономической политики (известной из опыта создания программного обеспечения как задачи «сшивания») должно осуществляться посредством институционализации конкретных предложений в рамках каждого направления. Пакет предложений по каждому на-

правлению, содержащий указания на существующие развилки, сценарии и регулирующие инструменты, должен верифицироваться с точки зрения социально-экономического контекста и единого механизма государственно-рыночного регулирования. Таким образом, будет решаться задача «защиты» от узких специалистов и неосведомленных лиц, принимающих решения, тех предложений, которые обеспечивают максимальный общесистемный эффект, и одновременно постановки «фильтра» для предложений, элиминирующих этот эффект. Технология разработки стратегии также требует проведения мониторинга и наличия обратной связи, позволяющих уточнять и корректировать начальные установки.

Перспективы развития российской экономики зависят от состояния гражданского общества, от глубинных социально-психологических установок граждан, определяющих коммуникации и гражданское поведение. Разумеется, разработка и реализация экономической стратегии являются производными от политического будущего. Но показательно, что материалы и рекомендации «Стратегии» не обсуждаются на политическом уровне. Это – проявление равнодушия к стратегиям вообще, свидетельство внутренней убежденности элиты в ограниченности возможностей программирования и планирования, веры в эффективность диспетчеризации всех экономико-управленческих решений и действий. Более того, игнорирование любых стратегий – не что иное, как хорошо себя зарекомендовавший способ обогащения государственной элиты. Но одновременно такое игнорирование – свидетельство деградации государственного аппарата, размывания его ответственности и прямого блокирования реформ в условиях отсутствия демократического контроля и неизбежности санкций за неисполнение намеченного. Действительно, ирония заключается в том, что стратегия содержательно должна быть нацелена на преодоление политических и социально-экономических проблем, порожденных ныне действующей бюрократией. Нарастание энтропии во всех звеньях государственного управления означает, что бюрократия и не стремится к реальным результатам в интересах граждан. В стране, по существу, проводится эксперимент по проверке возможности социально-экономического развития без национальной идеи и стратегии. Увы, это очень похоже на логику, выраженную в известном афоризме О. Бисмарка о возможности построения социализма в отдельно взятой стране: «можно, но для этого надо выбрать страну, которую не жалко».

Литература

1. Ушакова Э.Т. Теоретические подходы к выбору альтернативной модели экономики // Вестник Том. гос. ун-та. Экономика. 2010. №4 (12). С. 69–76.
2. Колодко Г. Мир в движении. М.: Магистр, 2009.
3. «Новый КГБ (Комментарии о Государстве и Бизнесе)». 2011. № 5. 10–23 сент. URL: http://opec.ru/data/2011/09/27/1233321833/KGB_05f.pdf
4. Скрыльникова Н.А. Управление инновационными процессами на основе концепции технологического пакета // Вестник Том. гос. ун-та. Экономика. 2010. №4 (12). С. 52–58.
5. Рудник П.Б. Технологические платформы в практике российской инновационной политики // Форсайт. 2011. Т. 5, №1. С. 16–25.